

СЕРЕБРЯНЫЕ
ЗМЕИ

ЗОЛОТЫЕ ВОЛКИ
СЕРЕБРЯНЫЕ ЗМЕИ

Продолжение следует...

СЕРЕБРЯНЫЕ ЗМЕИ

Рошани Чокши

Freedom

Москва

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-75

Roshani Chokshi

THE SILVERED SERPENTS

Copyright © Roshani Chokshi, 2020
First published by St. Martin's Press
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency
Jacket design: Kerri Resnick
Photo-illustration: James Iacobelli

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Tashsat, IS MODE, Arina P Habich, Reidl, OlgaKot17, Cyril
PAPOT, rangizzz / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Чокши, Рошани.

Ч-75 Серебряные змеи / Рошани Чокши ; [перевод с английского М. Артемовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Young Adult. Гильдия волков).

ISBN 978-5-04-112631-5

Заговор Падшего Дома раскрыт. Но Северину и его союзникам пришлось заплатить слишком высокую цену. Желая защитить своих друзей, глава Дома Ванф отправляется на поиски древнего артефакта, который дарует своему владельцу силу самого Бога.

Охота заводит его далеко от Парижа — в ледяное сердце России. Там хрустальные звери бродят по заброшенным особнякам, древние богини хранят смертельные тайны, а череда нераскрытых убийств заставляет убедиться в том, что древние легенды стали реальностью. Но ничто не способно остановить Северина в погоне за желаемым. Даже предательство тех, кого он любил.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артемова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112631-5

Николасу Кейджу — музе, о которой я не просила.

*О, Фауст, не коснись проклятой книги,
Ни взглядом, ни рукой — не искушай души,
Не навлекай на голову свою суровый гнев господень.*

ДОКТОР ФАУСТ

ПРОЛОГ

Тринадцать лет назад...

Матриарх Дома Кóры опустила взгляд на рождественский подарок, который она несла в руках. Это был маленький переносной театр, пестревший разноцветными фигурками и миниатюрными объектами: мечами, плащами и крутящимися каруселями. Плотный бархатный занавес открывался, стоило только потянуть за веревочку. Северину это понравится. Она придумала этот сюрприз после их совместного похода в театр на прошлой неделе. Другой шестилетний ребенок был бы совершенно зачарован происходящим на сцене, но вместо этого Северин внимательно разглядывал зрителей.

— Ты пропускаешь представление, дорогой, — сказала она тогда.

Северин удивленно посмотрел на нее своими большими сиреневыми глазами.

— Неужели?

После этого матриарх решила оставить мальчика в покое, и уже после представления он принялся сбивчиво рассказывать ей о том, как лица зрителей менялись в зависимости от происходящего на сцене. Казалось, он совершенно упустил всю магию театра, но при этом точно понял ее суть.

Матриарх непроизвольно улыбнулась, поднимаясь по каменной лестнице поместья Дома Ванф, в котором уже всю сияли яркие огни Зимнего Конклава. Хотя нынешний Конклав проводился в холодной тени гор региона Рона-Альпы, его убранство не менялось уже много веков. Каждый Дом Вавилонского Ордена привозил новые, неотмеченные Сотворенные сокровища из своих колоний, которые становились лотами в Полночном Аукционе. Для многих домов эти предметы служили символом богатства и империализма их родной страны, ведь они не только предоставляли свои артефакты на продажу, но и могли позволить себе покупку новых. У каждого Дома имелись свои особые предпочтения, и лишь некоторые располагали таким количеством средств, что могли позволить себе не прицениваться и покупать все, что пожелают.

Дом Кóры особенно интересовали предметы, связанные с ботаникой, но благодаря невероятному богатству в его хранилищах можно было найти

столько же разнообразных артефактов, сколько на свете существует языков. Российский Дом Дажь-бог получал от своих колоний довольно скромную прибыль и мог предложить на обмен лишь секреты и свитки. Несмотря на различия между Домами Вавилонского Ордена, цель Зимнего Конклава оставалась неизменной: они должны были обновить свою клятву, в которой все члены Ордена обещали беречь европейскую цивилизацию и ее сокровища, а также хранить Вавилонские Фрагменты и поддерживать существование божественного искусства Творения.

Но как бы высокопарно все это ни звучало, в конечном итоге Зимний Конклав был праздником.

Поместье Дома Ванф притягивало лучи раннего зимнего солнца, а дым, идущий из трубы, свернулся на крыше, словно кошка. Матриарх уже чувствовала запах праздника: палочки корицы в бокалах с глинтвейном, гирлянды из сосновых веток, сверкающие зачарованные снежинки, парящие в воздухе... и Северин. Очаровательный, но при этом серьезный и наблюдательный. Она хотела бы иметь такого сына.

Матриарх коснулась своего плоского живота. Иногда ей казалось, что при каждом шаге пуста внутри нее гремит, как связка старых ключей. В этот момент она опустила глаза на свое Вавилонское Кольцо и гордо подняла подбородок. Сила часто бывает ироничной. Матриарх была лишена женской

силы давать жизнь, но при этом получила силу, которая не предназначалась ей по праву рождения. Ее семья все еще была недовольна, что главой Дома Кóры стала *женщина*.

Но они не были обязаны ее любить. Они были обязаны подчиняться.

По бокам от витой железной двери стояли две огромных сосны, украшенных плавающими свечами. Дворецкий Дома Ванф поприветствовал ее на вершине каменных ступенек.

— Добро пожаловать, мадам, позвольте вам помочь... — сказал он, забирая подарок из ее рук.

— Поосторожней с этим, — строго сказала матриарх.

Она расправила плечи, немного сучая по весу коробки, который напоминал ей о том, каково было нести Северина... теплого и сонного, свернувшегося у нее на руках, пока она несла его домой после театра.

— Простите, мадам, — виновато сказал дворецкий. — Я не смею отвлекать вас от праздника, но... *она*, эм, желает поговорить с вами.

Она.

Сосна с левой стороны зашелестела, и из-за дерева вышла женщина.

— Оставь нас, — сказала она дворецкому.

Дворецкий поспешил удалиться. Матриарх нехотя призналась себе, что восхищена наглостью этой женщины, которая не имеет в Доме Ванф никакого

статуса, но при этом командует всеми, как полноправная хозяйка. Люсьен Монтанье-Алари привез ее из своего путешествия за сокровищами Алжира, а через шесть месяцев она родила ему ребенка — Северина. Она была одной из многих женщин, похищенных из родной страны с ребенком белого мужчины в своем чреве. Не жена и не любовница — лишь экзотичное привидение, которое бесцельно бродит по роскошным залам, отвергнутое местным обществом.

Но матриарх никогда не встречала женщин с такими глазами.

Северин мог бы сойти за французского мальчика, но глаза достались ему от матери: сумрачные, темно-сиреневые, как ночное небо, подернутое дымкой.

Вавилонский Орден игнорировал эту женщину точно так же, как и гаитянскую мать наследника Дома Никс... но в этой алжирке было что-то притягивающее, требующее внимания. Возможно, из-за того, с каким намеренным презрением она отвергала общие правила, продолжая носить свои нелепые туники и платки. Или из-за огромного количества слухов, что тянулись за ней, как тень. Люди говорили, что она обладает силами, не похожими ни на один из видов искусства Творения. Что матриарх Дома Ванф нашел ее в заколдованной пещере: темноглазый мираж, появившийся из ниоткуда.

Что у нее было множество секретов.

— Ты не имеешь права вот так набрасываться на меня из засады, — возмущенно воскликнула матриарх, но Кахина проигнорировала ее слова.

— Ты привезла что-то для него, — сказала она. Не вопрос — утверждение.

— И что? — огрызнулась матриарх.

Поймав взгляд Кахины, она ощутила укол совести. В глазах женщины блеснул голод. Ей было недоступно все, что могла делать матриарх. Кахина обладала силой подарить ему жизнь, но не имела права назвать его своим сыном.

Сила часто бывает ироничной.

— Почему ты выбрала именно этот подарок? — спросила Кахина.

Вопрос сбил матриарха с толку. Какая разница? Ей просто показалось, что ему понравится. Она уже представляла, как он опустится на колени возле игрушечного театра, передвигая фигурки, и его взгляд будет устремлен не на сцену, а на воображаемых зрителей. У него было свое особое видение, которое позволяло ему собирать разрозненные части воедино и притягивать всеобщее внимание. Она воображала, что однажды он станет художником.

— Ты любишь его? — спросила Кахина.

— Что...

— Ты любишь моего сына?

Моего сына. Эти слова ощущались как пощечина. Матриарх Дома Кóры могла возить его в театр и осы-

пять подарками, но он не принадлежал ей. И все же ее сердце чувствовало иначе.

— Да, — сказала она.

Кахина сдержанно кивнула, как будто пыталась принять тяжелое решение, а затем произнесла:

— Тогда у меня есть к тебе просьба. Пожалуйста... обещай, что защитишь его, что бы ни случилось.